

КРОКОДИЛ

№ 28

Цена 15 коп.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
ДОМАШНИХ ХОЗЯЙКАХ

НОВОБРАЧНЫЙ:—Мы пойдем с тобой рука
об-руку к светлой совместной жизни! СМОТРИ
НА ЭТОТ СВЕТ!

(Читатель! Посмотри и ты страницу НА

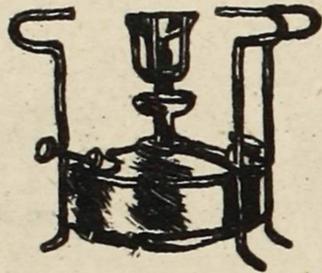
ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ ГРАЖДАНИНА САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

(Во время узаконенного 42-часового отдыха)

Домашнее хозяйство можно уподобить барометру хозяйства государственного. Ибо где, как не дома, узнаешь ты о снижении мяса на две копейки?

Домашняя хозяйка часто бывает одновременно и домашней работницей. В таком случае ее правильнее было бы именовать — домашний кустарь-одиночка.

Наряду с домашним хозяйством существует и домашняя бесхозяйственность.

Типов домашних хозяйек столько же, сколько типов домов. И даже больше, ибо в одном доме бывает несколько хозяйек.

Жена, почти не бывающая дома и не ведущая хозяйства, — все-таки считается домохозяйкой.

Занятие домашним хозяйством по совместительству не оплачивается даже половинной ставкой основного заработка.

Мужчина без профессии — несчастный человек, женщина без профессии — домашняя хозяйка.

Органы заиса по справедливости можно назвать рассадниками домашних хозяйек.

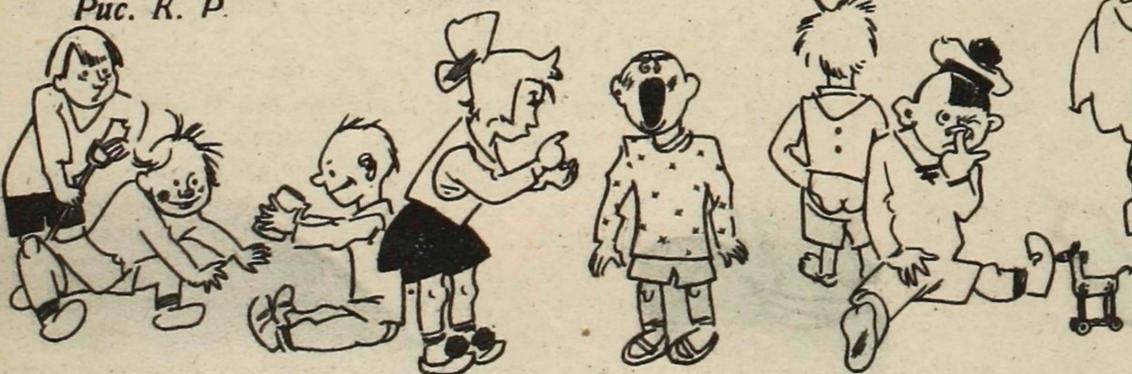
Некоторые должностные лица имеют склонность путать инвентарь хозяйства государственного с инвентарем домашнего хозяйства.

Не всякая хозяйка дома — домашняя хозяйка.

Домашнее хозяйство без кошки подобно бумажке без исходящего номера.

Беспартийный Савелий Октябрев.

Рис. К. Р.

КРОКОДИЛ: — Гражданка! Куда же ты детей привела, — у меня номер о домашней хозяйке, а не детский!
ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА: — А мне что же разорваться, что ли?! Я и в номере, я и на кухне, я и с детьми?! Нет, уж нянчись сам!

НЕСОЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Жена Семен Павлыча тихо всхлипывала. Мы с Семен Павлычем переглянулись, поднялись и вышли на улицу.

— Ревет, вот, — неодобрительно констатировал Семен Павлыч. — А и нечего, между прочим, ей реветь. Вдарил я ее за дело. Да и не вдарил даже. Разве ж это считается вдарить? Не вдарил, а так, толкнул слегка... И не от этого вовсе она ревет. От глупой своей несознательности ревет, вот отчего! Вдарил я ее, это верно, так ведь от этого ж нечего ей реветь. Потому что, в сущности говоря, и не вдарил даже, а так...

— А с чего началось-то у вас? — спросил я.

— Всегда оно у нас с одного начинается! — сказал, махнув рукой, Семен Павлыч. — Решил, вот, с тобой в клуб пойти: «Зайдет, — говорю, — приятель, и пойдем с ним в клуб»... А она, конечно, сейчас же на дыбки: «Хоть один вечерок с женой дома остался бы, и знаю я твои эти клубы, и противна тебе стала жена», — и пошла, и поехала!..

— Всегда они так! — подтвердил я.

— Недостаток сознательности! — сказал Семен Павлыч. — В совет, вот, их выбирают, собрания домашних хозяйек устраивают, а какой толк? Баба — она так бабой и останется. Никакого у них сознательного отношения к человеческой личности!

— Этого от них где ж уж ждать! — согласился я.

— Отсутствие всякой сознательности, — повторил Семен Павлыч. — Надо б, кажется, понимать, что я даже не для удовольствия иду, а во исполнение своей общественной обязанности. Что мне танцевать, что ли, в клубе или с комсомолками обниматься? Доклад иду слушать, потому что мне нужно развивать свою личность и не тащиться в хвосте!

— Понятное дело, — сказал я. — А ее с собой никогда не берешь?

— Ее-то? — удивился Семен Павлыч. — С собой, например? Гм... Так ведь во-первых, она ни черта не поймет по своей несознательности. А во-вторых, в чем же ей выйти со мной? Ей не в чем со мной пойти. В клуб все-таки надо чисто одеться, а она — сам видел в чем ходит... По домашнему хозяйству лучше, конечно, и не требуется, а в клуб нечего ей надеть. Ты на меня посмотри: рабочий от станка, а по костюму и за бухгалтера могут принять. У меня культурная установка, а ей со мною пойти — совсем не под пару. Это-то она понимает...

— Не увязывается за тобой?

— Этого б еще не хватало! Нет, настолько-то она соображает. А вот понять, что нельзя мне от общественности отрываться, не может она. А меня, конечно, злость берет на подобную несознательность. Сегодня, вот, до того довела, что вдарил. То-есть не вдарил даже, а так... Разве ж это называется вдарить?.. Толкнул сгоряча, а она в рев, конечно. Хотя не от этого она в рев. Тут чего же реветь: я не вдарил даже, а так... А между прочим, знаешь, что я тебе скажу?..

— Ну!

Семен Павлыч приостановился, поглядел на двери пивной, — и внес предложение:

— Вот, что скажу: зайдём, выпьем парочку, другую... А? Ну его к чорту, клуб этот!.. Чего мы там не видали, в самом деле?!..

Никита Крышкин.

НА ПЛЯЖЕ

Две, без трусиков даже,
Сладко млели на пляже,
И на чистом песочке
Разболтались до точки:
О мужьях... об изменах...
О хозяйстве... о ценах...
О детишках, конечно...
И сдружились навечно.

Вот одна, кончив дело,
Ворох кружев надела...
Шелк чулок—паутинка...
Пряжки туфель—картинка...
Платье—целая греза,
Цвета—«вялая роза»,

А другая на тело
Рубашонку надела.
Грубый лифчик, цвет «хаки»,
Пожилые чуваки,
И капот из сарпинки,
Что купила на рынке...

Не сказали ни слова...
Огляделась сурово...
Что-то тучей нависло...
Разошлись очень кисло.

Васильева.

ПРОСТОЙ РАСЧЕТ

Я сидел в обувном магазине «Вена» и примеривал штиблеты, когда вошла эта пара. Впереди она—боевая и раскрасневшаяся. Сзади он—хмурый, тихий, с опущенной головой.

— Сапоги,—крикнула она приказчику.

А он, ни слова не проронив, сел и закурил. Чувствовалось, что они обошли уже магазинов десять.

— Для кого?—спросил приказчик.

— Вот для этого ирода!.. Расселся... Подойди поближе!

И он покорно подошел и стал с ней рядом.

— Какие вам сапожки прикажете?

— Нет ли у вас кавказских? Люди добрые советовали, говорили—подметка у них очень тонкая и мягкая. Не то вяки, не то кляки, зовутся они.

— Чуваки?

— Во-во! Они самые. Покажите их.

— Таких не держим. Обыкновенных, пожалуйста.

— Ну, давайте обыкновенные.

И приказчик вывалил на прилавок груды сапог. Она долго выбирала и охала:

— Тяжеловатые... Крепковатые...

Муж ее безучастно смотрел на сапоги, готовый на все.

Приказчик уговаривал:

— Вот сапожки. Что надо. И фасон, и крепкие. Сносу не будет. А подметка: посмотрите—камень! А каблук—железо!

Она, бросив сердитый взгляд на приказчика, почти закричала:

— Это железо вот где у меня сидит... — и хлопнула себя по затылку и показала шрам на лбу. — Потому у вас и спрашиваю такие сапоги, чтобы подметка и каблук были-б послабже и помягче.

Удивленный приказчик пожал плечами.

— Чудно! Не понимаю. Каждый покупатель стремится, наоборот, чтоб товар был покрепче... Не понимаю!

— Вам и не нужно понимать! — перебила его она. — Вон, он-то понимает, — и кивнула в сторону мужа. — Каждое утро, как бужу его, бугая, на работу, вот уж лет 15, как обязательно стучит меня сапогами. Всю избил! Живого места на мне нет. Вы не смотрите, что он на людях такой скучный—зверь он мужчина. Но и надо правду сказать, никаким другим предметом не бьет, только что сапогом... Вот и стремлюсь купить ему сапожки с подметками помягче...

Он молчал, еще ниже опустив свою бычачью голову.

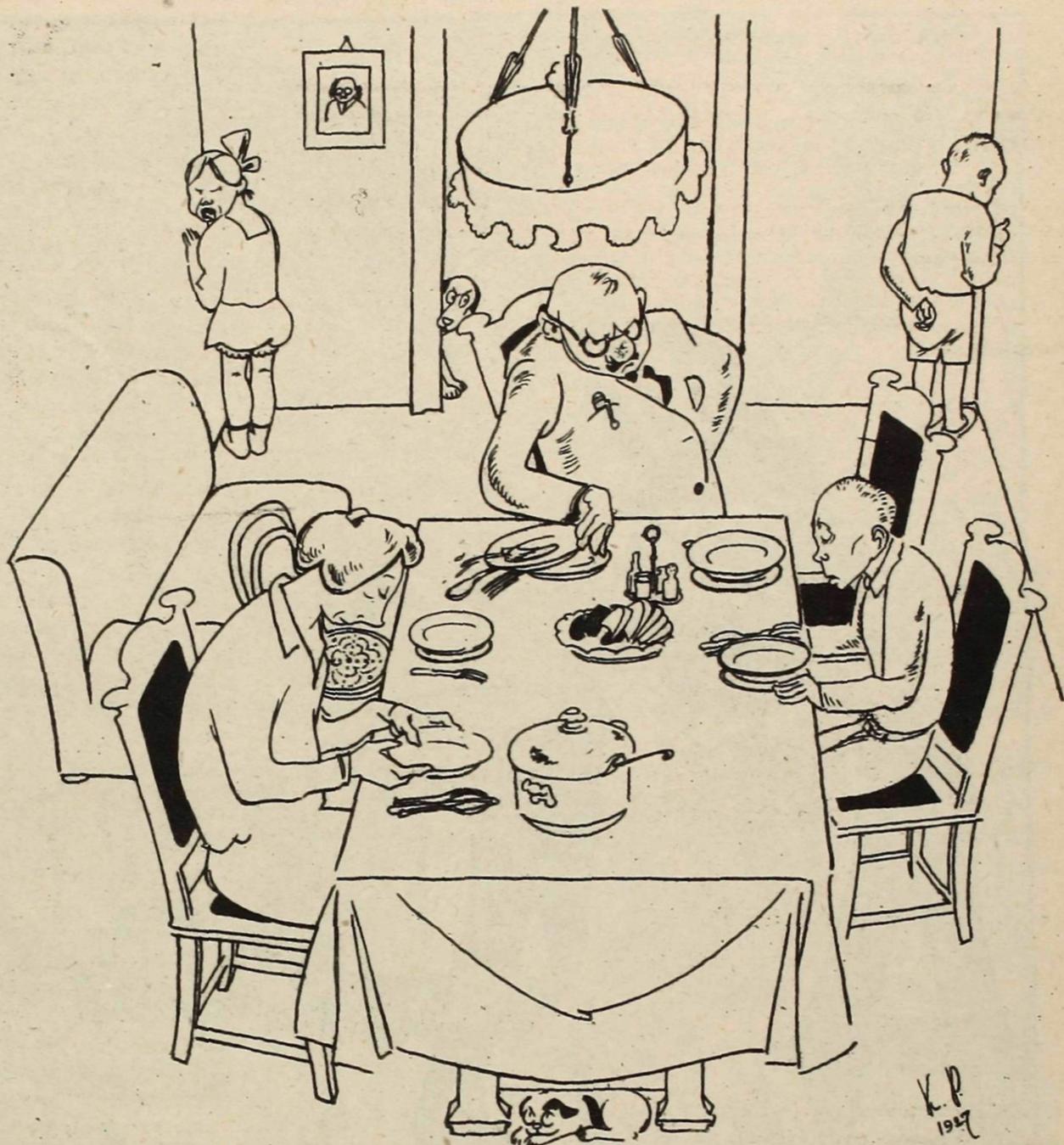
— Значит, у вас таких не будет?.. Ну, пойдем,—и она потянула его за рукав. — Вот куплю тебе лапти, будешь у меня в чих топтать всю осень и зиму, тогда узнаешь, бродяга.

Приказчик фыркнул им вслед.

Б. Левин.

„САМ“ НЕ В ДУХЕ...

Рис. К. Ротова

„Сам“ — не в духе—
Дохнут мухи,
У ребят болят зады...
Всей семье не до еды.

В рот
Нейдет
От страха ложка.
Даже кошка

Фаворитка
Гнет хребет...
Не обед,
А пы—ы—ы—тка!

Я НЕ ПРОТИВ...

Я не против раскрепощения!.. Не против культуры!.. Не против «дорогу женщине»!.. Но что ты сделаешь, если кругом и всюду сплошная женская несознательность. Поставили у нас на заводе доклад о международном.

— Маша,—говорю жене.—Обязательно пойди, потому ты в политике, не в зуб лягнута!..

— С моим бы удовольствием,—отвечает Маша,—но у меня белье не развешено!.. Может ты бы развесил на дворе, да покараулил, чтобы граждане не сперли!..

А я после работы уставший и вообще:

— Насчет белья,—говорю,—должны быть общественные прачечные, а я тебе не караульщик!..

Лег на диван, закрыл глаза и фью, завел носом музыку.

И все-же не против я раскрепощения!.. Не против культуры!.. Не против «дорогу женщине»!

Объявили в клубе постановку о женском положении:

— Маша,—говорю посмотревши, нет ли где с бельем корыта.—Обязательно посмотри, это тебя касается!

— С большим бы,—отвечает,—удовольствием, да мне к завтраму надо обед заготовить!.. Суп я тебе соберу, а ты, может, приглядишь, чтобы на примусе не сбежал!

А день невероятно хороший и мы с приятелем на рыбалку собрались.

— Для обедов,—говорю,—должны быть столовые и другая общественность! Я тебе не повар...

Надел пальтишко и натурально смотался.

Но опять-таки не против я раскрепощения!.. Не против культуры!.. Не против «дорогу женщине»!

Достал в библиотеке книжечку. Корыта, гляжу, нет и примус холодный:

— Маша,—говорю,—почитала бы ты в книжку, как тут есть насчет детского воспитания!..

— Очень бы просто почитала,—отвечает Маша,—да ребятишки на дворе бегают без существенного надзора. Может, ты бы приглядел!..

А у меня с друзьями в пивной разговор намечен:

— Воспитание детей,—говорю,—должно быть в государственном масштабе... И детские сады, опять-же... А я тебе не нянька!..

Взял шапку в охапку, сгреб со стены пивжачишко и от семейного конфликта скорей со двора вон.

Я не против раскрепощения!.. Не против культуры!.. Не против «дорогу женщине»!

Но чорта ли дешевого поделаешь, если кругом и всюду одна беспринципная женская несознательность и ничего больше...

Со слов потерпевшего:

М. Андр.

Рис. Ю. Ганфа

ЛЮДОЕДКА:—Ты что же это? Сам обещал с мозгом косточку в суп, а принес чорт знает что!
ЛЮДОЕД:—Я не виноват, дорогая! Твердолобый англичанин попался, разве у него с мозгом найдешь?!

ПЕРВЫЙ ОПЫТ

Супруга Аркадия Ефимовича — Зинаида Алексеевна, пользуясь отпуском мужа, уехала в начале июня в Тамбов навестить большую тетку Сашу и заказать пару окороков.

Аркадий Ефимович остался дома с Леночкой хозяйничать, имея в качестве подсобного аппарата Аришу.

Обычно в таких случаях из мужского хозяйства получается галиматья и кавардак, о которых и рассказывать не стоило бы. Но хозяйничанье Аркадия Ефимовича дало совершенно иной результат, имеющий большое общественное значение.

Дело в том, что Аркадий Ефимович был не просто Аркадий Ефимович, а большой организаторский талант, настолько поражающий своих современников смелостью и стремительностью взлета своей организаторской фантазии, что они, эти осторожные современники, предпочли даже снять Аркадия Ефимовича с хозяйственной работы и перевести его на тихую идеологическую. Но и на тихой идеологической работе Аркадий Ефимович проявил свои бурно-темпераментные организационные замыслы. Он перекрасил ряд деревень в пропагандистские цвета, разработал формы и инструкции агитработы во время пахоты и сенокоса и пытался приспособить все пассажирские и товарные поезда исключительно для целей пропаганды. Современники оценили и эти начинания по-своему, посадив Аркадия Ефимовича на такую должность, где его деятельность ограничивалась расписыванием в платежной ведомости. Вполне естественно, что Аркадий Ефимович, оставшись дома хозяйничать вместо жены, обрушил весь неиспользованный свой запас энергии и организаторского опыта на приведение в порядок домашнего хозяйства.

При первом же близком знакомстве с постановкой дела Аркадий Ефимович пришел в ужас:

— Полная бесплановость! Никакой рационализации! Анархия и слепая стихия!

В доме, действительно, все шло самотеком. Не было не только операционных и сметных планов, но даже простой описи имущества.

Аркадий Ефимович быстро перенумеровал все вещи, составил подробную опись всего имущества до кошки включительно, для которой пришлось завести книгу живого инвентаря. Затем очень практично начертил план квартиры с обозначением, где какая вещь имеет свое месторасположение, каков срок ее службы и амортизации. Диаграммы и схемы весьма наглядно показывали всю структуру и экономическую мощь хозяйства. График точно указывал распределение функций всего квартирного населения, не исключая и кошки.

— Я не бюрократ, — говорил Аркадий Ефимович, вычерчивая кривую поведения Леночки, — но без всего этого совершенно невозможно приступить к планомерному улучшению и усовершенствованию. Теперь все, как на ладони. Воображаю, как Зина обрадуется!

И Аркадий Ефимович, выяснив, так сказать, обстановку, приступил к строительству реформ. Но на первом же практическом своем шагу он опять столкнулся с инертностью и отсталостью современников в лице Ариши, Леночки, кошки и поставщиков провизии, числящихся у Аркадия Ефимовича по счету «разных лиц».

Ариша сразу полезла на стену, как только услышала о сметном планировании.

— Ну, пойми, Ариша, — уговаривал ее Аркадий Ефимович, — нельзя же вечно применять устарелые методы хозяйствования! Почему я должен выписывать ордер для покупки хлеба именно на 15 копеек?

— Вчерась брала по 15 — вот и все, — угрюмо бурчала бестолковая Ариша.

— Вчера по 15, а сегодня конъюнктура рынка могла измениться. Выяснились виды на урожай, мукомольная промышленность перешла на новый бюджет. И, затем, вы ознакомились с индексом Ариша?

— Ознакомилась! Будем сидеть без хлеба, вот и все!

Леночка по малолетству не считалась ни с какими расписаниями.

Кошка вела полный срыв производственной программы. То она нанюхивала кринку молока, то уволакивала кило баранины. Графу утруски пришлось заменить откровенной графой «растраты и хищения».

«Разные лица» в лице поставщиков вели себя по части срыва еще хуже. Ни зеленщик, ни мясник, ни молочница не приходили в назначенное каждому из них время. Аркадий Ефимович ради приучения их к культуре отказы-

вался брать провизию не в установленные часы, и «разные лица» вообще исчезли.

Большие работы по устройству экономайзера у примуса и использованию водяной энергии клозета для машины по очистке картофеля, одновременно выбивающей пыль из ковров, подвигались вперед очень туго.

Ариша вместо того, чтобы развивать свою критическую личность, ходила на толкучку продавать барахло, и тайно покупала кой-какую еду. Леночка и кошка настойчиво требовали молока. Сам Аркадий Ефимович от истощения терял способность преодолевать косность и отсталость своих семейных масс.

— Потерпите еще немного, — говорил им смелый реформатор, — я, вот, только приспособлю движение дверей к перемолу кофейных зерен, и мы проживем счастливо...

Но Ариша, Леночка и кошка непредусмотрен-

но угасали. Этот несознательный саботаж довершил приезд Зинаиды Алексеевны.

— Боже мой! — всплеснула она руками, завидя свое отошавшее семейство. — Что ты тут натворил, Кадя!?

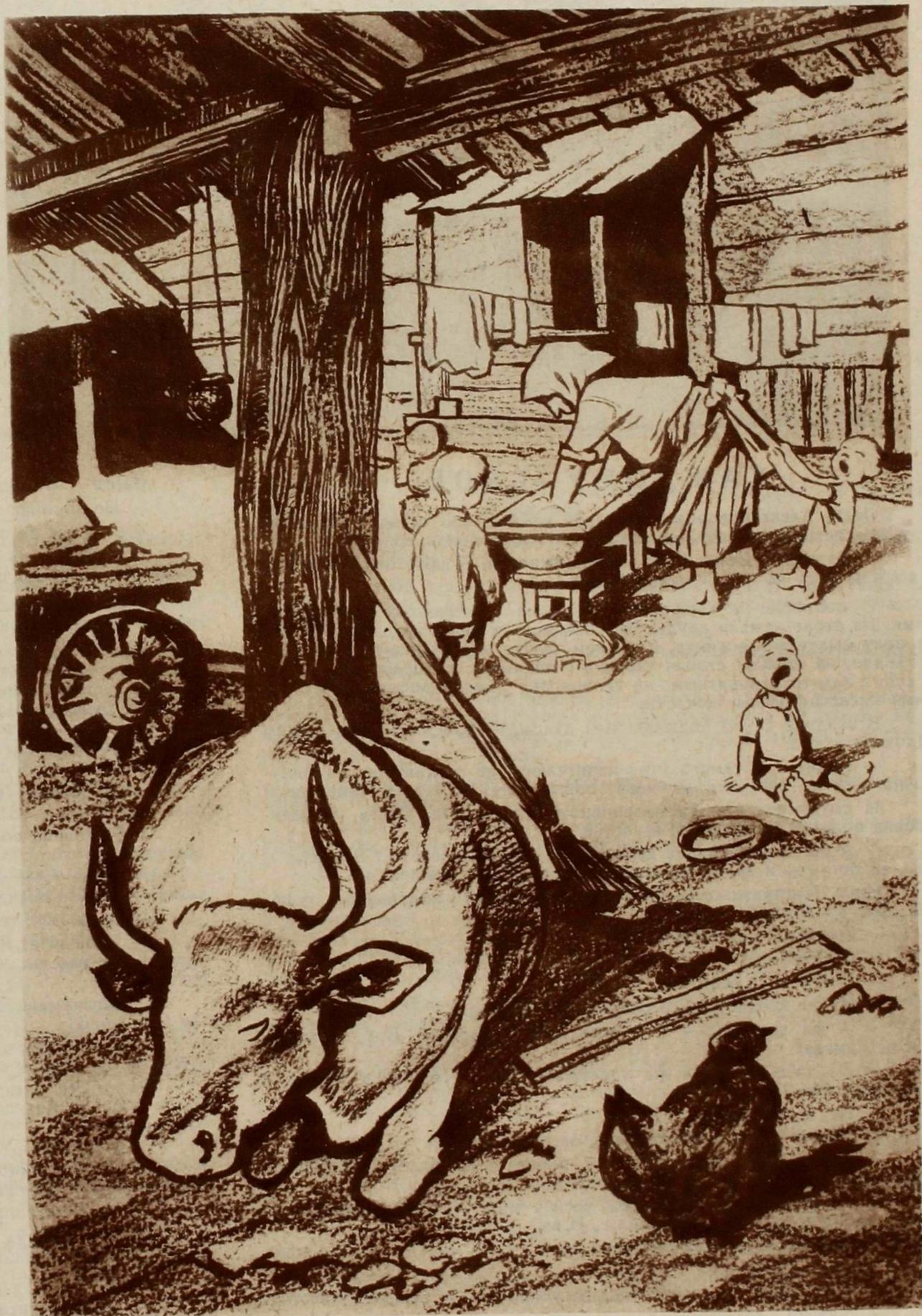
И весь напряженный труд Аркадия Ефимовича полетел прахом. Зинаида Алексеевна в один день уничтожила все следы великих реформ, вернула повеселевших поставщиков, и накормила семью анархическим борщом с несметными сосисками. Однако сказать, что весь труд Аркадия Ефимовича полетел прахом — нельзя. Потерпев неудачу и срыв в данном частном случае, он теперь подготавливает большие тезисы по ликвидации рутины и отсталости в домашнем хозяйстве вообще, то-есть, во всесоюзном масштабе.

Опыт проделанной работы позволяет ему теперь надеяться на полный успех.

Б. Самсонов

НЕЗАВИДНАЯ УЧАСТЬ

Рис. М. Храпковского

ВОЛ: — Говорят, что домашняя хозяйка работает, как вол. Что за глупости! У какого же волы хватит сил на такую работу?!

Рис. К. Ротова

КАЖДОМУ—СВОЕ

Ольга Александровна приветливо улыбнулась гостье и откинула с раскрасневшегося лица примокшую, потную прядь волос.

— Садитесь, милая Нина Константиновна. Я даже поздороваться с вами не могу по-человечески! Видите?

И поставив на канфорку утюг, она беспомощно развела руками. На столе лежали груды выглаженного и невыглаженного белья; на полу пыхла керосинка, в медном тазике на ней что-то шипело и булькало; на стульях стояли тарелки с яйцами, с подправочной мукой и еще с чем-то непонятным; на сковородке лежали посыпанные сухарями мясисто-розовые котлеты.

В воздухе пахло поджаренным луком, свежим бельем и легким чадом от утюга.

— Видите? С самого утра канителюсь, не присела ни на минуточку! Вы не смотрите на меня, пожалуйста! Я совсем замарашка!

И смущенно отерши передником пот со лба, Ольга Александровна под села на диванчик к гостье.

— А вы сегодня такая нарядная — просто прелесть! Завидую я вам, ей богу, — и когда это вы успели со всем управиться!

Нина Константиновна постучала каблучками лакированных туфелек друг об дружку:

— То-есть, с чем управиться?

— Да со всем!

— С чем — со всем-то?

— Ну... с хозяйством, с обедом... с уборкой!

— А вы думаете, — я со всем этим возилась? Вот чудачка! Я и не думала!

— Да ведь сегодня же приезжает Сергей Петрович вместе с моим Николаем!

— Ну, и что же?

— Может быть... он отдумал, задержался?

— Нет! Он приедет, как писал, вместе с Николаем Владимировичем. Сегодня... Ну, и что же из этого?

— То-есть, как — что? Три месяца муж был в командировке, целых три месяца вы его не видели... И вы... никак?

Нина Константиновна рассмеялась:

— Что — никак?

— Н-ну... никак не готовились? Не убирались, не варили... Ничего?

— Ничего!

Ольга Александровна удивленно пожала плечами.

— Не понимаю я вас!

— А я вас не понимаю! Охота вам возиться!

И доставши из сумочки пуховку и зеркало, Нина Константиновна принялась деловито пудрить нос.

Ольга Александровна бросилась к керосинке и торопливо стала мешать что-то убегающее и пригорающее.

Через минуту обе снова сидели рядом, одинаково молодые и одинаково хорошенькие. Только у Ольги Александровны пот струился по лицу, устало слипались красные глаза, и порезанный палец на левой руке был нескладно и наспех забинтован тряпочкой. А Нина Константиновна в коротком праздничном платье, надушенная, припудренная и румяная, кокетливо разглядывала блестящими, чуть подведенными глазами, свои маникюренные ногти.

— Я хотела узнать у вас, Ольга Александровна, когда точно приходит поезд — 6.30 или 7.30?

— Половина восьмого, совершенно точно. Николай прислал мне телеграмму.

— Значит, через полтора часа? Сейчас шесть! Ну, тогда я успею. Я хотела поехать встретить их на вокзал.

— Боже мой! А я ничего не успею! Уже шесть часов!

— Прощайте! Я не буду вам мешать! Мы, может быть, еще все заглянем к вам на минуточку. Ведь тут это рядом — два шага от вокзала.

— Заглядывайте! Я буду очень рада посмотреть на вашего Сергея Петровича!

Хлопнула дверь. И проворные руки Ольги Александровны бешено забегали от утюга к сковородке, и от сковородки к примусу.

Через два часа за дверью послышались веселые голоса, смех, топот и Ольга Александровна, едва успевшая снять передник, упала в объятия мужа.

— А ты что же, Олюнька, не приехала нас встречать? Вот, смотри, Нина Константиновна нас встретила и даже цветов нам принесла. Смотри, какие чудесные пионы! Поставь их сейчас же в воду!

Ольга Александровна обиженно дернула губами:

— Мне некогда было тебя встречать! Ты смотри, как я тут все прибрала... и обед какой сварила! Пальчики оближешь!

Муж рассеянно скользнул взглядом по комнате:

— Славно... Очень хорошо... А все-таки минуточку-то ты могла бы выбрать, чтобы встретить нас...

— Хахаль-то ейный скоро под суд за нее, за подлю, пойдет! Нынче туфли, завтра туфли,— вот те и растрата!

— И на что похвастался? Ни кожи, ни рожи и из уха, небось, течет!

— Пойдем, пойдем! Не чего на всякую глаза п я л и т ь! Пой-де-ам!!!

— Николай! Я же тебе говорю!..

— Ну, ну! Я ничего... Я ведь так только!

Нина Константиновна, кокетливо прижимаясь к мужу, блеснула глазами в Николая Владимировича:

— Я могу подтвердить, Николай Владимирович, что ваша жена готовилась к вашему приезду героически. И только поэтому не смогла вас встретить.

— Однако вы ведь смогли? Значит, не так уже это было трудно? Ольга Александровна, к счастью, уже не слышала этого разговора, она торопилась накрыть на стол.

Сергей Петрович с удовольствием втянул носом воздух:

— Чудесно пахнет! Я только сейчас почувствовал, как я проголодался! Пойдем скорей, Ниночка! Прощай, Николай!

— Пойдите, отчего вы не хотите у нас пообедать? Нина Константиновна, оставайтесь!

— Я не знаю право... Вот, как он...

— Нет, нет, Ниночка! Пойдем! Надо им дать отдохнуть... И... и нам нужно также отдохнуть. Лучше вечером попозже созвонимся и... куда-нибудь закатимся. До свидания, Ольга Александровна!

После ухода гостей, Николай Владимирович сел за стол и досадливо уставился на жену:

— Отчего ты их не удержала, — не понимаю, право! Как бы хорошо — поели вместе и отправились бы куда-нибудь!

Ольга Александровна поглядела на мужа усталыми глазами:

— А ну их, Колючка! Я так устала сегодня. Мне вообще и идти куда не хочется!

Николай Владимирович скрепнул салфетку и резко отодвинул тарелку:

— Ну вот! Ну вот! Начинается!

— Что начинается?

— Все начинается! Муж три месяца не был дома, сидел в глуши, мечтал встретить жену веселую, бодрую. Мечтал поразвлечься, отдохнуть... И вот... пожалуйста!

— Николай! Как тебе не стыдно! Ведь я же для тебя старалась... Ведь я... А ты заявляешься с этими дурацкими цветами и... говоришь мне дерзости!

Ольга Александровна всхлипнула и заморгала глазами.

Муж грохнул стулом, и встал:

— Этого еще только не доставало! Не успели поздороваться —

слезы! Брось! Сейчас же брось! И скажи мне — пойдешь ты со мной после обеда куда-нибудь или нет?

— Никуда я не пойду... И переодеваться не буду... Я устала... устала, как собака!

— В таком случае я пойду один! Никто не просил тебя уставать! Могла заниматься своими делами, пока меня не было! А то нашла время!

И быстро надевши новый костюм, Николай Владимирович ушел, хлопнув дверью.

Ольга Александровна лежала на кровати и плакала тихо, горько и устало. Потом вскочила, быстро и злобно выхватила из вазочки пионы и выбросила их на улицу, и снова уткнулась в подушку, изредка всхлипывая. Потом — уснула.

А муж ее, Николай Владимирович, быстро и решительно шагнул к Сергею Петровичу.

В коридоре квартиры, у комнаты приятеля, он совсем было уже поднял руку, чтобы постучать, но остановился.

За дверью слышались громкие, возмущенные голоса.

— Безобразие! — кричал голос Сергея. — Муж три месяца был в командировке и ты даже не подумала о нем, даже обеда ему не приготовила. Извольте идти в какую-то ресторашку! Да я этих ресторашек тысячи видел и без тебя! Дома ничего не прибрано! Хочу одеть чистый костюм, а брюки, как гармошка, надеть стыдно!

— Не понимаю! — отвечала Нина Константиновна. — Ты, очевидно, хочешь сделать из меня кухарку, няньку. Но только не жену. Я так не могу! Я не могу.

— Почему же другие могут? Почему?

— Ну, хорошо! Оставь, пожалуйста! Ты скажи мне прямо — идешь ты сегодня куда-нибудь или нет?

— Нет! Я устал и хочу быть сегодня в семье! Понимаешь? В семье!

— Ну, так я одна пойду! Три месяца ждала, чтобы пойти куда-нибудь, отдохнуть, поразвлечься... И вот... пожалуйста!

— Можете идти! Можете! И кстати заберите, пожалуйста, ваши пионы! Подарите их вашим развлекателям! Да-с!

Николай Владимирович тихонько съиснул, и на цыпочках отошел от комнаты Сергея Петровича, так и не постучавши.

Вас. Лебедев-Кумач.

Рис. М. Храпковского

ДОКТОР: — Не плачьте, гражданка, это не смертельно. Обыкновенное отравление колбасой.

ДОМОХОЗЯЙКА: — Да я не о том плачу... Обидно, что мне, значит, сниженную колбасу по полной цене продали!.. За что же я семь копеек-то переплатила?!

КРАСНЫЙ ПРИМУС

(Стенгаз домохозяйек)

В одном пролетарском жилтовариществе домашние хозяйки задумали издавать свой орган в виде стенной газеты. Первый номер вышел — ничего себе. Вот он.

ВМЕСТО ПЕРЕДОВОЙ

Наша профессия куда древней, чем какие-нибудь завывания или пишмаши. Она имеет исторический стаж. Еще у Пушкина сказано:

«Делать нечего! Хозяйка,
Дай кафтан! Уж поплетусь!..».

Тут же отражается рабовладельческий характер мужа по отношению к жене-хозяйке; «Дай кафтан» ему, а сам он, видите ли, не может взять! Несмотря на то, что ему, по его же словам, «делать нечего»... Ну, да довольно! Попили! За малым размером газеты на этом кончаю. Да здравствуют домохозяйки и их орган!

ХРОНИКА

РЕЗУЛЬТАТ АНТИСАНИТАРИИ

Домохозяйка Спирина, выгребая из парадного собачьих эксперименты, почувствовала головокружение и упала с лестницы, получив ревматические повреждения. А владелец одного сеттер-фокстрота не чувствует никакой ответственности, очевидно потому, что он — бывший титулярный ассессор с Анной 2-й степени. Что ставим ему на вид в санитарном отношении.

ДУРАКАМ — ВСЕ СМЕШНО!

Как известно, одна из квартиранток родила тройню, а некоторые допускают на счет этого критические насмешки. Предлагается прекратить таковые, так как ничего смешного тут нет, а это есть вполне закономерное физическое явление.

К ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЮ В КРЫМУ

На 19 июля в кв. № 3 назначается диспут об обязанностях домохозяек во время землетрясений. Явка всех обязательна категорически.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

17 июля состоится производственно-экономическое совещание по рационализации стирки белья и варки варенья.

ДОКЛАД

20 июля в кв. № 8 состоится доклад т. Канторовской на тему: «Будущее домохозяйки». Тезисы: «Домохозяйка и питание. Домохозяйка и половой вопрос. Домохозяйка и мировая революция».

САТИРА И ЮМОР

НАШ „ПРЕЗИДЕНТ“

Наш жил-председатель — ярый женофоб.
Проекты наши все он загоняет в гроб.
Нам средства не дает детишкам он на игры.
А спросишь, так орет, как в Португалии тигры.
Скалка.

НАШЕ БУДУЩЕЕ

Когда все будут питаться в Нарпите,
А стирать белье в Нарстире,
Вот будет тогда наша жизнь-то!
Как ни у одних хозяек в мире!..

Анна Прозорливая.

КАКАЯ РАЗНИЦА?

Всякому ясно, что мы пролетарки
Такие же, как прачки и кухарки,
Только та разница меж нами,
Что жалованье получаем натурой,
А не деньгами.

Сознательная.

ПО НЕКРАСОВУ

Придет ли время-времячко,
Пойдет ли оно желанное,
Когда начнет хозяйка
Не курицу жарить
И не телянку глупого,
А Маркса или Бебеля
„Жарить“ начнет!..

Ухват.

МЕДНОЛОБОМУ.

Эй, Чемберлен, при случае и нас узнаешь ты,
Нас, трудовую гвардию корыта и плиты,
Коль сунешься, пошлем тебя мы «к чорту
на рога»,
Мы, удалая гвардия горшков и утюга!..

Зоя Огонек.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ *)

Обращаю внимание на несправедливость устроителей вечера для домохозяек в клубе «Заря», выразившуюся в том, что меня не пустили на вечер, так как я якобы не домохозяйка, а между тем я — таковая, или вернее — домашний хозяин, ибо жена моя служит, а я, будучи без места, занимаюсь дома стряпней. Пора, наконец, признавать равноправие полов и термин не только «домохозяйка», но и «домохозяин».

Редактор домхозколлегия.

*) В порядке дискуссии.

Списал Аргус.

★

ИДЕАЛИСТ

— Мой идеал, Марья Петровна, — женщина скромная, с кротким характером. Чтобы уважала она во мне мужа... Вела хозяйство... Воспитывала моих детей... А интересную женщину, время провести, и вне дома найти легко.

АНДРИЕВСКАЯ.

НЕУЧЕНЬЕ — ТЬМА

— Ну, что, Митревна: сводишь теперь концы с концами в хозяйстве? Полегчало от снижения цен?

— Это от какого ж такого снижения? Где ж их снизили-то? Не зваю я что-то...

— Как не знаешь?.. Не читала разве в газетах?

— В газе-е-етах... Дык я ж, милый, неграмотная.

★

— У нас в кооперативе вы найдете все, что требуется для домашнего хозяйства!..

— Для хозяйства-то для ДОМАШНЕГО... А почему ж цены-то ДИКИЕ?

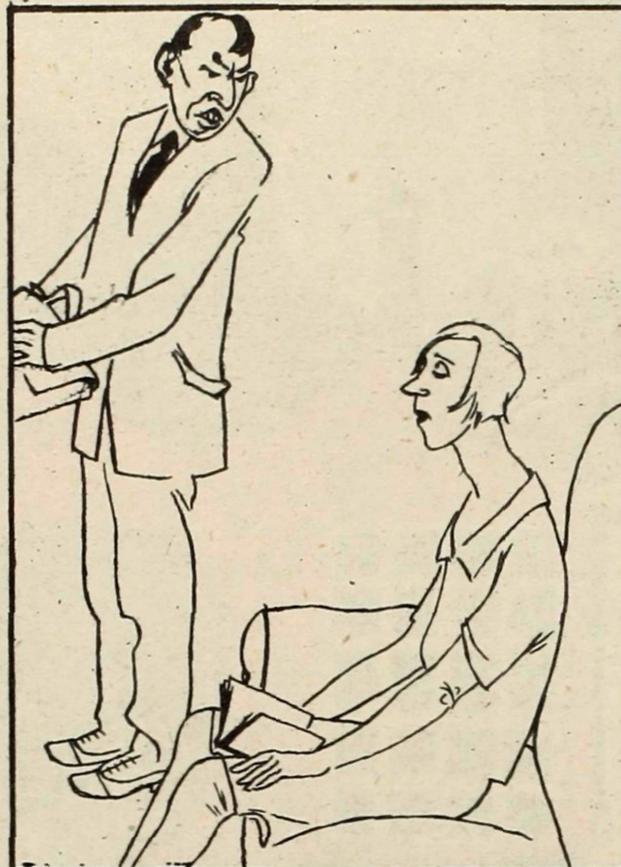

— Неужели и твой скромник пропивает, что ты у ворот его дожидаясь?!.
— Какой там пропивает! Хуже, дьявол его расшиби! Всю прошлую получку в сберкассе отнес, — мне и выпить не на что было!

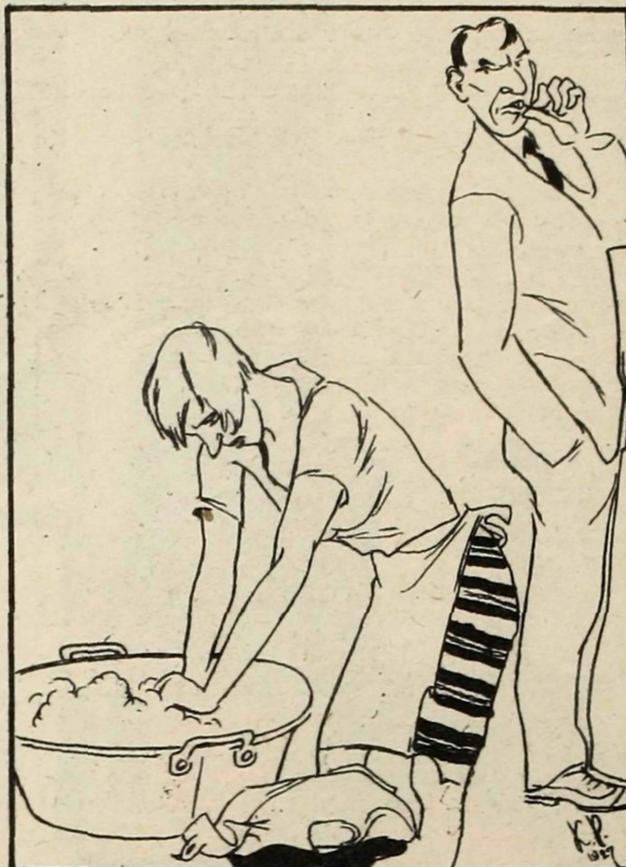
Рис. К. Ротова

— Мне нужна именно такая жена, как вы: красивая, изящная, начитанная...

— Сидит тут чортовой куклой, в книжку уткнулась, а муж должен в грязной рубашке на службу итти! Мне такая жена не нужна.

— Где мои глаза были, когда я на этой чумичке женился?! Вечно за стиркой или у плиты, неодетая, расгребанная... Разве мне такая жена нужна.

СКВАЖИНА

Еще почти темно. На кухне переуплотненной квартиры № 47 — серая предрассветная тишина. Общеквартирный кот ПуПС спит на одном и бесчисленных столов.

Мягкие и вместе с тем грузные шаги заставляют кота повести одним ухом — в чем, мол, дело?! Секунда, другая, и, выгибаясь всей спиной, он с мурлыканьем трется о толстую белую руку, приделанную к толстому туловищу, скрытому под грязным капотом.

Первое человеческое существо выползло на кухню. Работы этому существу много: прежде всего снять с полки Степановых кастрюлю и сунуть ее в стол Тимошенки; затем — отпить стаканом Осиповых молока, оставленное Макиной, и стакан демонстративно подсунуть Степановым. Утюг Оськиной, которая собирается сегодня с утра гладить, надо облить Карповским керосином и двинуть под плиту. Ах, да!!! Еще капнуть керосину во вчерашнюю кашу Капелевича, да заодно налить воды в примус Сошкиной, — очень уж задеается!!!

Трах!!! С полки летит задетая нетерпеливой рукой тарелка. Толстая фигура от неожиданности приседает на пол, затем сразу выпрямляется и, шлепая на одном месте босыми ногами, кричит:

— Брысь, негодный!!

Кот изумленно оглядывается, — в чем дело?! и снова засыпает. Фигура прислушивается. Кругом тишина. Мягко передвигает ноги-подушки, и скрывается в недрах коридора.

С утра в кухне напряженная атмосфера; подозрительные взгляды, безадресные сообщения:

— Чорт знает что! Ничего оставить на ночь нельзя!!!

— Безобразие какое!!! Опять все позагажено!!!

— Куда же утюг делся?! Ведь вчера с вечера приготовила!

Из всех комнат уже вылезли жительницы, уже мужья отправились на работу, уже начался трудовой день домашних хозяев. Только в одной комнате — мирная тишина, которую стараются не нарушить даже взволнованные домашние хозяйки: поживает всеми уважаемая Анна Петровна, очень толстая пожилая женщина, бывшая помещица. Муж ее — и взрослый сын, как она рассказывает, за границей. Сама она собирается туда же и хлопочет о паспорте, — других занятий у нее нет, но тем не менее занята она целый день.

Анна Петровна — всеобщий консультант по всем вопросам, начиная от различных заболеваний и кончая спорными вопросами парижских и иных мод. Она знает различные средства, различные секреты, так необходимые женщинам, знает кулинарию, — у нее когда-то был повар. Знает все, и охотно своими знаниями со всеми делится. Кроме того, никогда и ни с кем не ссорится, кухней не пользуется. Проживающие в квартире мужчины ее почему-то не любят, и зовут за глаза «скважиной», но домохозяйки уважают всячески.

— Анна Петровна, к вам можно?!

— Заходите, заходите, душечка, — я уже не сплю!!!

— Я хотела у вас попросить, Анна Петровна, вашего лекарства от желудка... Знаете, опять кто-то мое молоко пил ночью!

— Ну, что вы?! Вам показалось! Кто же станет?!

— Да, представьте себе! В моем молоке испачкан стакан Осиповой, и стоит почему-то у Степановых...

— Не знаю, дорогая! Правда, я сегодня утром вставала, — мне показалось, что кот чем-то гремит, — и видела, как Сошкина из кухни воровски прокрадывалась, и губы вытирала, но не думаю...

— Ну, конечно, Сошкина! Кроме нее некому! Эта дрянь постоянно!!

— Почему-то вы ее не любите, а она вас? Она мне про вас такие гадости пытается рассказывать, такие мерзости...

— Можно к вам, Анна Петровна?! Я хотела спросить, как тут скроить надо, чтобы не тянуло?!

— Давайте, давайте, Танечка, я вам прилажу...

— А у нас на кухне опять безобразие: мой утюг кто-то керосином облил, и под плиту засунул. Такая гадость...

— Сами вы, Танечка, нечаянно как-нибудь... Правда, я сегодня утром вставала, — слышала, будто кот чем-то гремит на кухне, и встретила в коридоре Карпову, — керосином от нее пахло, и кота в кухне не оказалось, но не думаю...

— Она, она! Обязательно она! И керосин только у нее есть. Я ей покажу... Спасибо, Анна Петровна, теперь я сама...

— Можно к вам, Анна Петровна?! Скажите, пожалуйста, как это тесто делается, рассыпчатое такое?!

— Сейчас дам рецепт, Марья Ивановна, присаживайтесь...

— Вот вы всегда за всех заступаетесь, Анна Петровна, а у нас уж совсем чорт знает что делается. Мне в примус воды кто-то налил!

— Ну, вы уж скажете... Впрочем, я сегодня раненько вставала, — мне показалось кот гремит чем-то на кухне. И встретила Танечку, — она шла из кухни, и руки вытирала... Кстати, правду она говорит про вас, будто ваш муж себе новую жену завел?!

— Я ей, стерве, покажу, как воды наливает в примус! Конечно, она! А про мужа — врет и врет. Сама на него бесстыжие глаза палит, — но он ноль внимания, — вот она и сплетничает, подлая... Спасибо, Анна Петровна!!!

До позднего вечера идут из комнаты советы, указания, помощь словом и делом, до вечера несутся сообщения о том, кого она встретила утром, когда ходила кота разгонять, и за каким делом кого застала, кто про кого и что говорил вчера и сегодня. А поздним вечером — на кухне жаркий бой, бой и словесный, и рукопашный.

Анна Петровна, бывшая помещица, у которой муж и сын в Париже, сидит в своей комнате, сладострастно жмурится, и при крепких ударах от удовольствия взвизгивает. Потом не выдерживает, поднимается, и на толстых ногах несет свое толстое тело в кухню, смотрит на бой, и укоризненно-ласково улыбаясь, покачивает головой:

— Ну, что вы, господа! Как не совестно, право!

Но трудовой день ее еще не кончен: на ночь к ней придут советовать по женским недомоганиям и Оськина, и Сошкина, и Карпова.

Кстати, не забыть бы подсмотреть, куда ставит рис Капелевич, — в него тоже надо керосину налить, — и где прячет столярный лак Степанов, — надо отлить часть его в белье Сошкиной.

Анна Петровна плывет на разведку в затихающую кухню, и встречает Степанова:

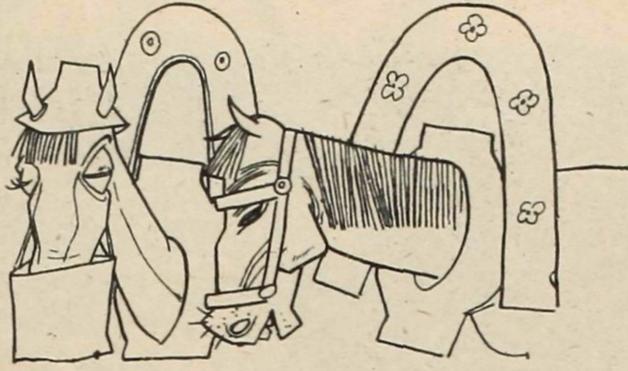
— Ууу! Скважина!!! — шипит тот.

Анна Петровна делает вид, что не слышит.

На ночь — завивает папилютки, молится богу, достает из-под матраца непристойный роман с похабными картинками (из Парижа получила!!!), и читает долго, долго. Засыпая, думает:

— Не забыть бы Степановым в самовар кошачьей гадости положить!

Вл. Павлов.

— Сегодня у меня праздник: хозяин утром кнут об жену сломал.

ЖИЗНЬ С УДОБСТВАМИ

Дмитровские кооператоры придумали замечательное средство, чтобы закрыть рабкорам глаза.

Лежала в МСПО под открытым небом соль. Соль мыли дожди, засыпала пылью. Рабкор сообщил об этом горсовету. Тогда кооператоры надстроили вокруг соли забор повыше, и теперь ее не видать. Соль лежит по-прежнему под дождем.

А на заборе... дмитровцы пишут все, что они думают о кооперативных заправках. Пишут очень коротко, но вполне ясно.

ШВЕЙБЮРОКРАТЫ

Разрывая кучу учреждений, «Крокодил» нашел, между прочим, никому неведомое швейное бюро ВСНХ УССР. При ближайшем рассмотрении оказалось, что деятельность этого почтенного учреждения выражается в том, что оно удручает государственные швейные заводы, требуя от них самые немыслимые отчеты, не только за операционный год, но даже и за прежние.

С Артемовского завода швейбюро потребовало подробные сведения за 1922—1925 г.г. Во главе швейбюро стоит тов. Гандель, который, очевидно, полагает, что швейная промышленность состоит в том, чтобы подшивать бумаги к делу. Немножко это, т. Гандель, не так!

НЕ НАМИ ЗАВЕДЕНО

Одна работница Мытнинского завода (Пермь) обвинила председателя завкома, уважаемого тов. Варушкина, в том, что на завод принимают «по завкомству».

Тогда собрали завкомцев со всего округа и сказали им:

— Кто без греха—кинь в него камень.

И камень кинуть было некому.

Тогда т. Варушкин улыбнулся и для ровного счета определил на завод еще одну свою родственницу сверх комплекта клеймовщиц.

ХВАТИЛИ

Как известно, бывший глава румынского правительства Авереску ограбил казну, скрыв имевшийся избыток доходов в сумме 60 миллионов рублей («Раб. Газ.» № 133).

Астраханский «Коммунист» в № 135 дает однако несколько иные сведения:

Авереску скрыл, — пишет газета, — имевшийся избыток доходных поступлений по бюджету в сумме трех миллиардов рублей.

Конечно, Авереску — прохвост и стоит того, чтобы его ошельмовать, как следует, но, дорогие товарищи из «Коммуниста», не забывайте, что ненависть к врагу не должна быть слепой. Грамотной она должна быть, обязательно грамотной!

«БЕЗ ЛЕСТИ ПРЕДАННЫЕ»

Бескорыстная преданность и беззаветная любовь к начальству всегда выгодно отличали казанских работников связи. Проводив своего обожаемого начальника, т. Геллеваду, в Иркутск, казанцы послали вдогонку такую телеграмму:

Провожаем Иркутск товарища Геллеваду, которым совместно работали почти пять лет тяжелый период восстановления хозяйства связи, поздравляем назначением вам такого ценного работника, превосходного товарища и опытного администратора.

Уполномочию общего собрания казанских работников связи, председатель ОСИПОВ.

Но осторожные иркутцы поняли телеграмму, как намек. Теперь жди, мол, перемен: разве тов. Геллевада перенесет разлуку со своими «превосходными товарищами»? Обязательно потянет их из Казани в Иркутск.

Спешим успокоить иркутян: ни одного казанца т. Геллевада в Иркутск не переведет. В этом он дал подписку, подписавшись на «Крокодил», который будет теперь наблюдать за его служебным характером.

ПОКЛОННИКИ РАБКОРОВ

Вот, все говорят, что администрация не любит рабкоров и преследует их. Однако не везде так!

После заметки в «Рабочей Газете» — «Фабрика им. Свердлова покрывает частника», директор Хвостовский, секретарь ячейки и уполномоченный треста Лихачев очень энергично приставали к рабочему Корнееву и просили его сознаться в авторстве. Они, очевидно, хотели чувствовать как-нибудь тов. Корнеева, но так как писал заметку не он, то тов. Корнеев и не захотел воспользоваться чужой славой. А жаль! Очень уж хочется администрации узнать, кто это писал заметку. Может и наградила бы чем-нибудь, вроде... выходного.

Кузьма.

ДО ЧЕГО РАСПУСТИЛИСЬ

До чего ленивы россияне, удивительно! В Сев.-Кавк. отделении Госторга «сомнительных» долгов числится на полтора миллиона рублей. Эта пустяковая сумма разобрана преимущественно госорганами и кооперацией, а частными лицами взято 15 процентов. А ведь можно было брать всякому, кому не лень! И вот однако не берут. Потому что процентов 85 населения одержимы такой злой ленью, что руку протянуть в растопыренную госторговскую кассу не в состоянии.

С ШТАТОВ БЕСЯТСЯ

Сельхозбанк разослал циркуляр (№ 439) всем своим отделениям, в котором предлагает прислать ему по установленной форме подробные характеристики председателей кредитных товариществ.

— Помилуйте, дорогие товарищи, — возопили отделения, — ведь председателей кредитных товариществ у нас тысячи!

— Что ж такого? — удивился Сельхозбанк, — разве трудно составить характеристику, — пустяки!

Сельхозбанк рассуждает так потому, что для определения характеристики его работников требуется всего только одно слово, а именно — «бюрократы».

ПРИМЕРНАЯ ЭКОНОМИЯ

В торговом деле дальновидность и расчет — необходимые качества. Центральная льняная контора Госторга имеет их в изобилии.

Вот уже полгода, как она платит по 198 рублей в месяц бывшему заму псковским отделением, т. Фрею, держа его в резерве.

Люди не коммерческие и сухие формалисты возмущаются:

— Для чего бросаются на ветер такие деньги? Почему на т. Фрея не возложить какую-нибудь работу?

Но дальновидный и расчетливый Госторг на эти вопли отвечает только хитрой улыбкой.

— Ээ, вы, простофили, — думает он, — я уплачиваю т. Фрею 198 рублей именно за то, что он ничего не делает, а если бы он что-нибудь делал, то это мне обошлось бы в несколько раз дороже.

И в памяти у Госторга копошится при этом скорбное воспоминание об убытках, понесенных от бесславного транспорта, заведенного т. Фреем в дни его псковского могущества и славы.

РАЗЫСКИВАЮ РОДСТВЕННИКОВ

ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НА СЛУЖБУ. УЖЕ УСТРОИЛ У СЕБЯ ДЯДЮ ЖЕНЫ, ТЕСТЯ, БРАТА и других.

Администратор Ленинского сахарн. завода, Курской губ., ПОПОВ.

МОЛОЧНАЯ ГРАМОТНОСТЬ

Замечательно пишет циркуляры Московский Союз Крестьянских Молочных Т-в:

Всем заведующим магазинами.

15 июня 1927 г. № 3926.

Разосланное распоряжение об очистках творога, которое посылать на склад не следует, а выбрасывать их на месте и выпускать в отчетных листках на склад.

Правление.

Не есть ли эти самые циркуляры — «очистки творога»? Тогда, действительно, их следует «выбрасывать на месте».

ГОСТОРГОВЦЫ ОТЛИЧИЛИСЬ

Честь и слава коммерческому директору С.-К. Госторга В. А. Литвану с его сотрудниками!

Они первые додумались вести борьбу с бюрократизмом и бесхозяйственностью путем устройства особой выставки, возбуждающей у населения ярость против вышеупомянутых общественных яв.

Выставка была устроена в Новороссийске и действовала в течение года. Самое замечательное в этой выставке — отсутствие экспонатов. В этом весь секрет успеха.

В июле прошлого года Севкавгосторг снял огромное помещение в Новороссийске и объявил, что в нем будет выставка сельского хозяйства и промышленности.

Объявил это он только так, для виду, а сам довольно хитро провел свой остроумный замысел. В течение целого года Госторг не дал на выставку ни одного экспоната. И мало того! Когда новороссийские отцы города попросили передать им помещение под фабрику, то Госторг умышленно развил волонтеру.

Население Новороссийска возмущалось этим показательным бюрократизмом в течение целого года, недогадывая по своему простодушию, что все это устроено умным В. А. Литваном с агитационной целью.

Мы вынуждены открыть весь этот секрет для того, чтобы устроители выставки получили заслуженную ими награду.

МИНОГА.

ОТВЕТСТВЕННАЯ РАБОТА

Рис. Ю. Ганфа

— Эх ты! Не ценишь меня. А как бы ты без меня в свет вышел? Читатели бы засмеяли, — оборванец, мол, ходит!